

Имя

Цянь Яо застыл в оцепенении, а затем до него дошло: он и впрямь не знал.

Если бы дело происходило в его родном мире, ситуация показалась бы немислимой. Он уже делил с этим человеком ложе, но понятия не имел, как того зовут. Однако в древности всё выглядело вполне разумно: здесь никто не смел называть государя по имени. Его статус был столь высок, что у юноши даже не возникало повода — да и возможности — обратиться к нему иначе, чем «Ваше Величество».

Потому, несмотря на долгое время, проведенное в этом теле, имя императора оставалось для него тайной за семью печатями.

Прежде Цянь Яо не задумывался об этом, но раз уж Ци Ань сам завел разговор, в нем проснулось любопытство.

— Государь... правда желает открыть слуге своё имя? — тихо спросил он.

Вместо ответа император взял с подставки кисть и вложил её в руку юноши.

Тот растерянно моргнул, но пальцы послушно сомкнулись на рукояти. В университете у них был курс каллиграфии, так что держать кисть он умел. Правда, успехи его тогда были, мягко говоря, скромными: за весь семестр он освоил лишь правильный хват, а потому сейчас чувствовал себя крайне неудобно.

Ведь настоящий Молодой господин Цянь был сыном благородного дома, внуком Старого наставника. Разве мог он не владеть искусством письма? Если бы его тайна еще не была раскрыта, он мог бы прикинуться неграмотным слугой — для раба это было делом обычным. Но Ци Ань знал, кто он такой, и прикидываться простаком было бесполезно.

К счастью, государь не заставил его писать самому. Он накрыл ладонь юноши своей широкой ладонью.

Цянь Яо мгновенно понял его намерение. Напряжение покинуло тело, и он позволил императору вести свою руку по белоснежной бумаге. Кончик кисти коснулся поверхности, и юноша почувствовал легкую дрожь — он совершенно не мог контролировать кисть. Но Ци Ань уверенно направил движение, и на листе один за другим начали проступать иероглифы.

Вскоре на бумаге четко вырисовалось: «Ци Ань».

— Ци Ань... — невольно прошептал юноша, пробуя имя на вкус.

— Да, — раздался над самым его ухом низкий голос. — Это моё имя.

Император не отпустил его руки. Рядом с первыми знаками он вывел еще два, чуть мельче: «Юаньгуй».

— А это — моё второе имя.

Ци Ань. Ци Юаньгуй.

«Так вот как звали этого пса-императора»

Цянь Яо заворуженно смотрел на написанное, и в голове его никак не укладывалось, что эти изящные, благородные знаки принадлежат столь жестокому человеку. Он ожидал чего-то грозного, а увидел нечто мягкое и возвышенное.

— О чем задумался? — государь заметил его отсутствие и, забрав кисть, вернул её на место.

— Ни о чем, — поспешно покачал головой юноша. — Просто... имя Вашего Величества очень красивое.

— Вот как? — Ци Ань усмехнулся. — Тогда попробуй произнести его.

Юноша вздрогнул и испуганно отшатнулся. Обычно люди всячески избегали даже упоминать иероглифы, входящие в имя императора, чтобы не навлечь на себя гнев. Как же он мог осмелиться назвать государя по имени прямо ему в лицо?

— Слуга не смеет! — выпалил он.

— Я велю тебе, — настоял император.

Цянь Яо понимал, что это приказ, но страх был сильнее. Он знал, что Ци Ань сейчас благоволит ему, но всё же не решался переступить черту. Милость владык переменчива: сегодня ради тебя готовы отрезать рукав, а завтра выбросят, как стоптанный башмак. Он боялся, что сегодняшняя дерзость обернется завтрашней казнью.

Юноша робко прильнул к плечу государя и умоляюще прошептал:

— Ваше Величество... прошу вас, не заставляйте. Слуга и впрямь не смеет.

Ци Ань, казалось, видел его насквозь. Он не стал спорить, лишь медленно провел пальцем по краю уха юноши и вкрадчиво обронил:

— Противишься воле?

Цянь Яо понял: не отвертеться. Но он предпринял последнюю отчаянную попытку:

— Нет, государь, что вы! Просто мне действительно страшно.

Юноша ухватился тонкими пальцами за расшитый рукав Ци Аня и жалобно посмотрел на него снизу вверх:

— Ваше Величество, ну не мучьте меня, пожалуйста...

За время их близости Цянь Яо усвоил: этот человек не может устоять, когда он ведет себя так покорно. И впрямь, взгляд императора смягчился. Он коснулся пальцами подбородка собеседника и медленно спросил:

— Неужели так сильно не хочешь называть меня по имени?

— Не то чтобы не хочу... просто боязно, — почуввав слабину, быстро ответил юноша.

Но Ци Ань не отступал:

— И всё же? Не назовешь?

— Ваше Величество, пощадите... — Цянь Яо опасливо ловил малейшее изменение в выражении лица государя.

Желая окончательно умиловить господина, он ласково потерся щекой о его ладонь. В глазах императора что-то дрогнуло.

— Хорошо, — коротко бросил он.

Цянь Яо решил, что буря миновала, и радостно обхватил его за руку:

— Слуга благодарит Ваше Величество!

Но не успел он закончить, как губы императора тронула странная усмешка. Он прижал большой палец к его губам и негромко произнес:

— Не спеши с благодарностью.

— Что?.. — юноша не понял, но сердце его тревожно екнуло.

И не напрасно. В следующее мгновение слуги один за другим покинули зал, и тяжелые двери дворца Сымин с глухим стуком закрылись. Цянь Яо опешил и попытался высвободиться, но сильная рука на его талии сжалась, точно капкан.

— Ваше Величество...

Он хотел было молить о пощаде. Ведь это кабинет, на улице еще день... Он вовсе не желал предаваться ласкам при свете солнца!

Но вскоре он не смог вымолвить ни слова. Цянь Яо еще раз убедился в том, что если этот пёс-император чего-то захотел, он не отступит. Ци Ань вырывал это имя из его уст самыми разными способами.

— Ци Ань... Ци Юаньгуй...

Юноше казалось, что он не забудет эти имена до конца своих дней.

***

Из дворца Сымин его вынесли на руках. Хорошо еще, что он спал — когда Цянь Яо очнулся и вспомнил о произошедшем, он готов был снова провалиться в забытие от стыда.

«Проклятье! Неужели на этого человека нет никакой управы? Неужели подобное распутство сойдет ему с рук?»

Но гнев быстро сменился унынием. Юноша осознал, что во всем огромном дворце нет ни наложниц, ни вдовствующей императрицы, ни почившего императора, а чиновники при дворе вымуштрованы до предела. Похоже, укротить этого зверя было некому.

В памяти всплыли слова Ци Аня:

«Я и есть закон»

Что ж, Цянь Яо оставалось лишь смириться со своей участью. О том, что будет, когда он лишится милости, он подумает потом. Сейчас его главная задача — быть послушным и выжить.

С того дня он перестал противиться, когда император просил называть его по имени. У Ци Аня

была странная прихоть: он обожал слушать свое имя именно в постели. Цянь Яо не понимал, в чем тут удовольствие, но потакал ему. К его несчастью, это лишь подстегивало пыл государя. Стоило юноше произнести заветные слова, как император впадал в исступление, и одно время требовал ласк каждый божий день.

В конце концов Цянь Яо взмолился о пощаде, будучи совершенно изнуренным.

Лишь тогда Ци Ань на несколько дней оставил его в покое — впрочем, не совсем. Он всё еще заставлял его прислуживать иными способами. Из-за этого бедра юноши еще долго оставались красными.

Последние дни выдались особенно бурными. Тело ныло, ноги стали ватными, а о чтении хуабэнь он и думать забыл — каждую свободную минуту тратил на сон. Ци Ань, видимо, и сам понял, что перегнул палку, а потому наконец даровал своему фавориту несколько дней отдыха.

Цянь Яо теперь при виде государя охватывал невольный трепет, а потому, получив свободу, он поспешил убраться подальше от императорских покоев. Он отправился на Императорскую кухню к Сяо Суйцзы.

Раны друга уже затянулись, но тень пережитого ужаса всё еще лежала на его лице. Когда он узнал, что Ци Ань раскрыл тайну Цянь Яо, его ноги едва не подогнулись от страха.

— И что же? Государь никак не наказал тебя за это?

«Наказал... но весьма своеобразно»

Вслух же Цянь Яо этого сказать не решился. Впрочем, Сяо Суйцзы и сам обо всем догадался. Было ясно как день, при каких обстоятельствах император мог обнаружить обман. Он не стал расспрашивать дальше, лишь крепко сжал руку друга:

— А Яо, служить государю — всё равно что жить с тигром. Будь осторожен.

— Я знаю. Ты говорил мне это уже тысячу раз.

— И всё же я не нахожу себе места. Ведь... — Сяо Суйцзы, видимо, вспомнил тот день в охотничьих угодьях, и голос его упал до шепота: — Государь безжалостен. По-настоящему.

— Знаю, — коротко ответил Цянь Яо.

Проведя подле Ци Аня столько времени, он изучил его нрав вдоль и поперек.

— Значит... с Молодым господином Лу у вас и впрямь всё кончено? — с грустью спросил Сяо Суйцзы. — Мне всё кажется, что он подходил тебе больше всех.

При упоминании о Лу Яньчжоу сердце юноши кольнула вина. Он не испытывал к нему чувств, но понимал, как глубока была привязанность того к настоящему Цянь Яо. Но та любовь принадлежала не ему. А потому он лишь покачал головой:

— Между нами всё в прошлом. Прошло столько лет... Даже если бы мы снова были вместе, он мог бы во мне разочароваться.

Сяо Суйцзы понимал, что спорить бесполезно, и лишь тяжело вздохнул:

— Он, верно, убит горем.

— Кажется, ты очень за него переживаешь? — любопытно спросил Цянь Яо.

Друг вздрогнул и поспешно замахал руками:

— Нет-нет! Я просто беспокоюсь о тебе.

— Ну ладно, ладно, — юноша решил не смущать его дальше и, достав из-за пазухи увесистый мешочек с серебром, протянул ему: — Это тебе.

Сяо Суйцзы ошарашенно уставился на деньги:

— Откуда у тебя столько?

— Моё жалованье, — Цянь Яо вложил кошель в его ладонь. — Мне тратить не на что, а тебе пригодятся. Я знаю, во дворце на каждом шагу нужно давать на лапу. Если кончатся — только скажи.

Сяо Суйцзы попытался вернуть деньги:

— Нет, я не могу взять! А Яо, мне хватает моего жалованья. К тому же ты часто заходишь ко мне, и все на кухне знают, что мы в ладах. Теперь они заискивают предо мной, никто не смеет обижать. Не беспокойся.

— И слышать ничего не желаю! Бери, иначе я рассержусь, — Цянь Яо настоял на своем, и другу пришлось подчиниться. Но радости в его глазах не прибавилось.

— Что такое? — юноша ласково потрепал его по волосам. — Не бери в голову лишнего. Лучше

придумай, как раздобыть чего вкусенького. Чтобы вырасти, нужно хорошо есть и спать.

— Вечно ты подтруниваешь, — улыбнулся Сяо Суйцзы.

Но улыбка быстро сошла с его губ:

— А Яо... это не простое жалованье слуги. Видно, государь и впрямь души в тебе не чаёт. Но ты — мужчина, и твой статус... это не может длиться вечно. Тебе нужно заранее подумать о будущем.

Слова друга отозвались эхом в мыслях самого Цянь Яо, и он помрачнел.

— Император уже готовит отбор наложниц. Среди них выберут и ту, что станет императрицей. Вокруг него будет всё больше людей. Я боюсь, что его страсть — лишь прихоть, и вскоре он о тебе позабудет.

— Я знаю, — юноша помолчал, а затем выдавил слабую улыбку: — Я позабочусь о себе.

— Только... не отдавай ему своего сердца, — в который раз предостерег его Сяо Суйцзы.

— Не отдам, — пообещал юноша.

***

Видно, из-за того, что Сяо Суйцзы упомянул Лу Яньчжоу, Цянь Яо на обратном пути невольно свернул к Павильону, где слушают бамбук.

Ворота всё так же были плотно закрыты, и вокруг царила тишина. При свете дня это место не казалось таким пугающим, и юноша замер у входа, погружившись в думы. Стоило ему оказаться здесь, как мысли сами собой возвращались к Лу Яньчжоу. Он вспоминал, как они планировали побег, как Ци Ань поймал их, как он сам, на глазах у раненого друга, заискивал перед императором... Вспоминал окровавленное тело господина Лу после побоев.

Цянь Яо понимал, что он не тот, кого любил этот человек. И оттого чувство вины было еще тяжелее. Он задолжал Лу Яньчжоу слишком много. Им никогда не суждено встретиться вновь.

Теперь он мог лишь надеяться, что Лу Яньчжоу сумеет отпустить прошлое и начать жизнь с чистого листа. Но легко ли это сделать? Юноша тяжело вздохнул и уже собирался уходить, как вдруг до его слуха донеслись звуки ударов.

Это место было заброшенным, здесь никто не бывал. Откуда же шум? Любопытство взяло верх.

Цянь Яо осторожно двинулся на звук и, дойдя до поворота, украдкой выглянул из-за стены.

Двое рослых евнухов зверски избивали маленького слугу. Мальчишка в самом дешевом платье съежился в углу, обхватив голову руками. Он принимал удары молча. По его хрупкому телу Цянь Яо понял, что тот еще младше Сяо Суйцзы. В его мире дети в таком возрасте еще ходят в школу, а здесь ребенка забивали до смерти. Юноша понимал, что против двоих верзил ему не выстоять, но медлить было нельзя.

— А ну прекратите! — крикнул он, выбегая из-за угла.

Он хотел, чтобы голос звучал властно, но от страха тот выдал дрожь. Крик вышел не таким громким, как хотелось бы. Цянь Яо тут же пожалел о своей слабости, но, глядя на несчастного мальчишку, не отступил, а решительно заслонил его собой.

— Как вы смеете избивать людей прямо во дворецком комплексе! — выпалил он.

Евнухи, увидев щуплого юношу, сначала хотели проучить и его. Но один из них заметил на нем темно-красное одеяние слуги императорских покоев и тут же переменялся в лице.

— Ох, простите, господин гунгун из императорской свиты! — заискивающе затараторил он. — Вы всё не так поняли. Мы вовсе не хотели зла, просто этот... этот Сяо Гоуцзы налетел на нас и даже не извинился. Мы лишь преподали ему урок.

Увидев, как они струхнули, Цянь Яо вспомнил о своем статусе.

— Даже если он и задел вас, это не повод распускать руки!

— Да-да, вы совершенно правы! Мы сейчас же поможем ему подняться! — Евнухи согнулись в три погибели.

Они потянулись к мальчику, но тот весь задрожал. Цянь Яо преградил им путь:

— Не нужно. Просто извинитесь.

— Просим прощения, — забормотали те.

Маленький слуга недоуменно моргнул и кивнул. Цянь Яо велел обидчикам убираться прочь. Евнухов будто ветром сдуло. Юноша бережно помог мальчику подняться. Тот был из самых низов: его одежда была засаленной и покрытой пылью. Цянь Яо принялся отряхивать его. Мальчишка не поднимал головы. С виду ему было не больше тринадцати лет. Хрупкий, изможденный, а на руках — сплошные кровоподтеки.

— Откуда у тебя столько ран? Тебя постоянно обижают? — спросил Цянь Яо, беря его за руку.

Мальчик поспешно отдернул руку:

— Грязно...

Этот голос показался юноше знакомым. Он приподнял подбородок ребенка, и тот поднял взгляд. Цянь Яо охнул — он знал этого мальчика! Много дней назад именно этот мальчишка с ведрами нечистот предостерег его у Павильона, где слушают бамбук.

— Так это ты! — воскликнул Цянь Яо. — Помнишь меня?

Мальчик замер, и в его глазах промелькнуло узнавание.

— Помню.

— Меня зовут Цянь Яо. А тебя? Я тогда даже не успел сказать спасибо, — спросил юноша.

— Цянь Яо... — Мальчик снова поднял на него глаза. Казалось, он слышал это имя. Он облизнул пересохшие губы и тихо ответил: — Сяо Гоуцзы. Меня зовут Сяо Гоуцзы.

Цянь Яо оторопел. Кто же дает ребенку имя «Пёсик»? Но он не подал виду:

— Они часто тебя бьют?

Сяо Гоуцзы долго молчал, а затем кивнул:

— Я чищу уборные. Все говорят, что от меня воняет.

Лишь теперь юноша понял, почему мальчик так боялся его прикосновения.

— Сколько тебе лет?

— Тринадцать.

Тринадцать лет... Цянь Яо почувствовал боль в сердце. Он очень хотел помочь. Он расспросил, где тот служит, и ушел. На обратном пути он всё думал, как заговорить об этом с Ци Анем. Стоило юноше поднести чай, как государь притянул его к себе:

— О чем кручинишься?

Цянь Яо решил действовать лаской. Обвив руками шею императора, он вкрадчиво произнес:

— Государь... слуга сегодня навещал Сяо Суйцзы.

— Я знаю, — император лениво перебирал его пальцы.

Юноша замер. Откуда он мог знать? Неужели за ним следят?

— Что такое? — спросил Ци Ань.

Цянь Яо хотел было спросить о слежке, но струхнул:

— Ничего... По дороге назад я видел, как избивают маленького евнуха. Ему всего тринадцать, смотреть на него больно.

Ци Ань, казалось, всё понял, но не проронил ни слова. Цянь Яо вспомнил, как тот учил его просить о милости. Он придвинулся ближе и мягко коснулся его губ своими. Лишь тогда государь оживился. Он обхватил затылок юноши и ответил на поцелуй. Когда Цянь Яо наконец отпустили, он привалился к его груди:

— Ваше Величество... можно ли перевести его из Уборной куда-нибудь в другое место?

Ци Ань посмотрел на его губы. Настроение у него явно улучшилось:

— И куда же ты хочешь его пристроить?

— Ну... — Цянь Яо запнулся. Он думал лишь о том, как вытащить мальчика, а о новом месте и не помышлял.

Император рассмеялся:

— Пришел просить, а сам и не знаешь, о чем?

Юноша смутился. Ци Ань сам принял решение:

— Пусть идет к тебе. Будет служить тебе.

— Государь... не слишком ли это? — Цянь Яо засомневался. Ведь он и сам был лишь слугой.

Но император отрезал:

— Ничего не подходящего в этом нет.

Юноша подумал, что так будет даже лучше — под его крылом мальчик будет в безопасности. Когда Сяо Гоуцзы привели к нему, он был уже отмыт и переодет. Цянь Яо поселил его в своей комнате в Дворе евнухов. Сяо Фуцзы и Сяо Цюаньцзы были ребятами добрыми, так что за мальчика можно было не опасаться. Единственное, что не давало покоя — это его имя.

— Пёсик? Как можно так называть человека?

Мальчик отвечал на все вопросы:

— Меня продали во дворец еще ребенком. Тот, кто продавал, не знал моего имени и назвал первым попавшимся словом.

— Тебе нравится это имя?

Сяо Гоуцзы едва заметно покачал головой.

— Тогда давай выберем новое. Какое ты хотел бы?

Мальчик молчал, лишь преданно смотрел на него. Юноша догадался:

— Хочешь, чтобы я выбрал его для тебя?

Сяо Гоуцзы закивал. После долгих раздумий Цянь Яо произнес:

— Как насчет Сяо Майцзы? У меня есть друг Сяо Суйцзы, а ты будешь Сяо Майцзы. По-моему, звучит очень ладно.

Мальчик тут же согласно кивнул. Новое имя пришлось ему по сердцу. Хоть Сяо Майцзы и числился его слугой, юноша в услугах не нуждался. Мальчик большую часть времени проводил во Дворе евнухов. Как-то раз Цянь Яо пришел навестить его и нашел на заднем дворе. Ребенок прилежно мел землю. Он был таким маленьким, что метла казалась выше его самого. Юноше стало совестно, он бросился на помощь.

Сяо Майцзы ни в какую не отдавал метлу, и Цянь Яо пришлось взять другую. Вскоре двор был чист. Солнце уже начинало припекать. Юноша умылся холодной водой и присел под старой

акацией. Сяо Майцзы робко сел рядом. Листва укрывала их от солнца. Цянь Яо разморило, и он завел с ребенком беседу. Сяо Майцзы оказался прекрасным слушателем.

Юноша стал заходить к нему всё чаще. Сегодня он пришел пожаловаться на Ци Аня. Он не смел ругать императора открыто, а потому начал:

— Знаешь, есть у меня один знакомый...

Мальчик принимал всё за чистую монету.

— Скажи, разве мой друг не вправе злиться? — закончил Цянь Яо.

Сяо Майцзы серьезно кивнул. Юноша улыбнулся. Мальчик чем-то напоминал ему преданного щенка — простого и искреннего. Цянь Яо решил, что отныне будет считать его своим младшим братом. От этой мысли на душе стало светло. Он достал из рукава сверток с сахаром. Мальчик уставился на сладости широко раскрытыми глазами. Юноше пришлось самому вложить угощение ему в ладонь.

— Нельзя... — Сяо Майцзы попытался вернуть сахар.

Но Цянь Яо был непреклонен. Он засунул одну конфету мальчику в рот:

— Ешь. У меня их много.

Ребенок замер, боясь разжевать лакомство.

— Вкусно?

— Очень! Спасибо, брат Цянь Яо.

— Зови меня просто «брат».

— Брат? — глаза мальчика засияли. — Правда можно?

Цянь Яо ласково взъерошил его волосы:

— Конечно.

— Брат! — позвал мальчик.

— Я здесь, — с улыбкой отозвался юноша.

***

Сегодня император отправился на инспекцию в лагерь, так что Цянь Яо мог не спешить. Он наслаждался покоем вместе с Сяо Майцзы. На миг ему почудилось, что он вернулся в прежнюю жизнь.

Юноша прикрыл глаза. Солнечный свет был слишком ярким. Цянь Яо заслонился рукой. Ему вспомнилось лето после экзаменов. Тогда родители потакали всем его прихотям. Они не будили его по утрам, а приносили нарезанный арбуз. Тот день был в точности таким же. Когда он открыл глаза, мама сидела на краю кровати.

— Мама... — пробормотал он.

— Что такое? Не выспался? — Она нежно погладила его по голове.

— Нет, просто пить хочется.

Она подала ему стакан воды и тарелку с арбузом. Цянь Яо послушно открыл рот, но тут же спохватился.

— Мам, иногда мне кажется, что вы с папой меня слишком балуете.

Мама лишь улыбнулась:

— А как иначе? Ты ведь у нас один-единственный.

Солнце тогда светило так ярко, что мама казалась ангелом.

— Мама... — невольно сорвалось с губ юноши.

— Что такое? — раздался голос рядом.

Цянь Яо вздрогнул и открыл глаза. Перед ним были бесконечные стены дворца. Прошло всего два года, но ему казалось — целая вечность. Он почти забыл, что он — Цянь Яо из двадцать первого века. От этой мысли к горлу подкатил ком. Сяо Майцзы всё заметил:

— Брат, что с тобой?

— Ничего, — тихо ответил Цянь Яо.

Но мальчик вдруг спросил:

— Ты тоскуешь по отцу и матери?

Юноша опешил:

— Это ты, небось, о своих думаешь...

Он замолчал, а спустя мгновение глухо спросил:

— Как ты понял?

— Брат, у тебя это на лице написано, — честно ответил ребенок.

— Вот как? — Цянь Яо несильно ущипнул его за щеку. — А ты разве не скучаешь?

— Скучаю, — признался мальчик. — Но моих родителей больше нет. Померли от голода. А меня во дворец продали — так я хоть жив остался.

У юноши по спине пробежал холодок.

— Если жизнь там такая горькая... ты всё еще хочешь на волю?

Сяо Майцзы медленно кивнул:

— Хочу. Только нас, небось, отпустят лишь через много лет.

— Верно...

Настроение Цянь Яо окончательно испортилось. Мальчик поспешил добавить:

— Но к тому времени я накоплю много денег! И когда выйду — заживу хорошо.

— Да, тогда и заживем, — отозвался юноша.

— Брат, когда выберемся, давай жить вместе! — с жаром воскликнул Сяо Майцзы. — Я буду о тебе заботиться.

Цянь Яо посмотрел в его искренние глаза.

— Хорошо, — улыбнулся он.

Весь остаток дня они просидели под деревом, мечтая о будущем. Юноша вернулся в покои в добром расположении духа. Он думал, что Ци Ань уже вернулся, но того не было. Цянь Яо забеспокоился. Он не смел лечь сам и коротал время за книгой. Но император всё не шел. Что-то случилось.

Лишь глубокой ночью в дверях появился Гунгун Ань:

— Господин Цянь, император сегодня не вернется. Ложитесь почивать.

Юноша схватил его за рукав:

— Что произошло?

Старик тихо ответил:

— Случилась беда. Вчера, во время инспекции в лагере, на Его Величество было совершено покушение.

<http://bllate.org/book/15347/1421354>